

Николай Буссе

Русские и японцы на Сахалине

Николай Буссе

Русские и японцы на Сахалине

«Public Domain»

1854

Буссе Н. В.

Русские и японцы на Сахалине / Н. В. Буссе — «Public Domain», 1854

«В прошедшем 1871-м году, в трех последних книгах нашего журнала была помещена часть дневника Н. В. Буссе, где им описана первая попытка русских, в сентябре 1853 года, утвердиться прочно на острове Сахалине, который с половины прошедшего столетия не раз посещался русскими мореходами, а в начале нынешнего сделался предметом неприязненных отношений к Японии; японцы успели завести на острове богатые рыбные фабрики, где и производили работы почти даровою силою, а именно, руками полудиких туземцев, айнов...»

Содержание

От редакции	6
I	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Николай Буссе

Русские и японцы на Сахалине

Дневник: 10-ое февраля – 11-ое мая 1854 г.

От редакции

«Вестник Европы», № 10, 1872

В прошедшем 1871-м году, в трех последних книгах нашего журнала¹ была помещена часть дневника Н. В. Буссе, где им описана первая попытка русских, в сентябре 1853 года, утвердиться прочно на острове Сахалине, который с половины прошедшего столетия не раз посещался русскими мореходами, а в начале нынешнего сделался предметом неприязненных отношений к Японии; японцы успели завести на острове богатые рыбные фактории, где и производили работы почти даровою силою, а именно, руками полудиких туземцев, айнов. Мы ценили эти записки как потому, что они были ведены лицом, занимавшим видное место в самой экспедиции, так и потому, что самое предприятие, теперь почти забытое, было собственно замечательным подвигом, достойным памяти: для занятия Сахалина была отправлена горсть людей, состоявшая из 70-ти человек при двух офицерах: – Н. В. Буссе, как старший офицер, командовал отрядом, Н. В. Рудановский заведывал ученою частью экспедиции. И эта горсть людей, отрезанная от своих до 29-го апреля 1854 года, в течении 7-ми месяцев, держалась бок-об-бок с миллионным населением японской империи. Независимо от всего этого, мы публиковали дневник Буссе также и потому, что в наше время Сахалин обратил на себя внимание, как место, где предназначается устроить более рационально каторжные работы, а потому описание острова, сделанное русским офицером и в недавнее время, появилось бы весьма кстати и представляло почти современный интерес: нам слишком часто приходится даже и по своим делам наводить справки в иностранной литературе, а потому нельзя было пренебрегать наблюдениями соотечественника, которые после его смерти сохранились в его семействе.

Между тем, напечатанная нами часть дневника покойного Буссе вызвала возражения такого свойства, которое не имеет ничего общего с тем общественным интересом, ради которого мы публиковали дневник. Возражал Г. И. Невельской; он имел главное начальство над сахалинской экспедицией, сопровождал в половине сентября 1853 г. из Петровского наш десант, указал место на острове, где десант должен был укрепиться на зиму, и возвратился в себе в Петровское в конце сентября. Другое возражение доставил Н. Б. Рудановский, прошедший осень, зиму и весну вместе с г. Буссе в новом Муравьевском poste – так названо было первое наше укрепление на Сахалине в честь ген. – губ. Восточной Сибири Муравьева-Амурского; оно находилось на берегу залива Анивы, в самом японском селении. Оба возражения напечатаны нами (см. выше: август, стр. 907); в дневнике Буссе выражались его личные мнения о своих сотрудниках; теперь и сотрудники высказали свое личное мнение о Буссе, а потому все это дело мы должны считать поконченным. Но для истории самой экспедиции из этого личного дела является еще новая черта: мы видим теперь, что, кроме множества затруднений внешних и материальных, сахалинская экспедиция страдала внутренним несогласием, столь сильным, что и теперь, спустя почти 20 лет, его эхо довольно громко разразилось между нами. Кроме того, оказывается из возражений Невельского, что такой важный, ответственный пост, как пост начальника команды, на которого возложено было притом дело государственной важности, г. Невельской – по собственному его сознанию – вручил г-ну Буссе «единственно потому, что не было тогда в экспедиции другого свободного офицера». Как бы ни было все это мало лестно для Буссе, но нельзя оправдать и назначавшего, который теперь сознается, какими отрицательными мотивами руководился он в своем выборе лица. Мы думаем, что это самообвинение сделано г-ном Невельским а posteriori, и едва ли он решился бы поставить

¹ См. выше: 1871 г., окт. 782; ноябр. 161; дек. 648 стр.: «Остров Сахалин и экспедиция 1853 года».

на такой важный пост лицо, которому он не доверял и которое – не уважал, а назначил только потому, что не было «другого свободного офицера», сознавая при этом, что назначенное им лицо ни к чему неспособно. Защищая г-на Невельского от самого его, мы сошлемся на отзывы Буссе о г-не Невельском: он, несмотря на то, что расхохотался с ним в том или другом мнении, постоянно называет его «человеком благородных чувств, деятельного и энергического характера». Назначение на важный пост лица, заведомо неспособного и недостойного, не могло бы быть оправдано ничем. Мы думаем вообще, что весь этот спор по поводу дневника Буссе возник от непривычки у нас публично обсуждать действия лиц, поставленных в официальное положение; даже наши почтенные моряки, имевшие более нас случай знакомиться с обычаями и нравами прессы других стран, разделяют однако общую всем нам чувствительность, когда о нашей официальной деятельности говорят публично. И эта болезненная боязнь печатного слова встречается у нас на каждом шагу: на печатное слово смотрят как на опасный бич, который для безопасности и следует держать постоянно в футляре и под замком, как в средние века не знали против зла, называемого огнем, другого средства, как известное *ouvre-feu*, и после заката солнца запрещалось строжайше держать огонь.

Но кроме изданной уже нами части дневника Буссе, породившей вышеупомянутые прения, сохранилось еще несколько тетрадей, которые теперь приведены в порядок и почерк их разобран. Эти тетради оставляют, по нашему мнению, весьма важный интерес в политическом отношении. В первой части, обнимающей осень и зиму на Сахалине с 1853-го на 1854-й год, автору приходилось описывать работы своей команды и отношения русских к одним туземцам, так как японцы большею частью удалились. Но весной 1854-го года должен был решиться вопрос: кто поспеет раньше на Сахалин – японцы ли с Мацмая, или русские с материка? В первом случае положение десанта в 70 человек, из которых более сорока заболело цингой, было бы крайне затруднительно; а именно это и случилось. Вот потому в новой части дневника мы видим в первый раз русских и японцев (не рыбаков, а военных) лицом к лицу. Неизвестно, чем-бы кончилась эта драма, если бы наша Восточная война с Францией и Англией не изменила ход дела и не вынудила бы нас свезти десант с Сахалина на материк. К сожалению, дневник Буссе обрывается на 19-м мая, когда ожидали прибытия гр. Путятинна из Японии, чтобы окончательно решить вопрос о судьбе нашего занятия Сахалина. Как известно, мы оставили Сахалин и десант возвратили на материк; степень затаенной вражды к нам японцев обнаружилась тогда в том, что они немедленно сожгли все наши постройки, еще в виду удалявшегося гарнизона нашей крепостцы. Дальнейшее наше упорство могло бы послужить для Франции и Англии поводом к занятию Сахалина, чего не случилось именно благодаря благоразумию военного совета на Сахалине под председательством прибывшего туда К. Н. Поссьета, из эскадры гр. Путятинна.

Только около половины апреля начали появляться на Сахалине японские офицеры с вооруженными солдатами; а до того времени автор проводил конец зимы в экскурсиях по острову. Описанием одной из этих экскурсий начинаются последние тетради дневника Буссе; эта экскурсия была предпринята 8-го февраля 1854-го года.

I

10-го февраля. – Третьего дня, в 6-ть часов утра, я поехал в Туотогу, находящуюся от нашего поста (Муравьевского) верстах в 25-ти. Я отделил от рабочих собак семь лучших для легкой езды. Из них 6-ть собак запрягли в мою нарту, а одну отдали айну (туземцу), который провожал меня и вез урядника Томского, назначенного мною сопровождать меня. Они выехали на 10-ти собаках. Я взял с собою провизии на двое суток, так что почти все уложилось в мой погребец. Как жаль, что мне не удалось вывезти из Петербурга погребец, подаренный мне Карлом. Я хоть не видал его, но уверен, что он устроен с большими удобствами. Духовая подушка, подаренная мне Иваном Богдановичем (?) сопровождает меня во всех моих путешествиях. Этот раз, в отношении скорости езды, моя поездка была очень удачна. Я понесся с необычайною быстротой, так что, приехав в селение Сусую, находящееся от нас верстах в 10-ти, я остановился, привязал собак и зашел в юрту дожидаться отставших от меня проводников. Отдохнувшие собаки мои прекрасно везут, и я надеюсь более не отставать от айнов. От селения Сусуи дорога идет по замерзшему заливу. Подъехав к устью реки, я увидел множество айнов, ловящих камбалу. Я остановился посмотреть. Для ловли этой прорубаются небольшие проруби в том месте, где река, вливаясь в залив, имеет отмели. Ловец имеет свою особенную прорубь и палку, у которой в один конец вбиты два гвоздя, в расходящемся направлении. Эту палку он опускает в прорубь и, закрывшись от света ивовыми ветками, пристально смотрит в воду. Скоро глаз, привыкнув в темноте, различает ясно плавающих рыб; когда широкая и плоская камбала подойдет под прорубь, ловец пронзает ее гвоздями, придавливая к дну реки. Расходящиеся гвозди крепко удерживают рыбу в то время, когда ее вытаскивают на лед. В настоящее время все население Анивы питается камбалою, добываемую на Сусуе. Проехав далее версты две, я выехал на берег, потому что залив от Сусуи до мыса Крильона не покрывается льдом. Берег от реки Сусуи до Туотоги низкий и покрыт небольшим лесом; низкий берег продолжается и далее Туотоги, не знаю только до которых мест. Приехав в селение Туотогу, я остановился в юрте проводника моего, называющегося джанчином Туотоги.

Селение это, как я увидел, состоит из трех юрт. Юрта моего проводника принадлежит к числу самых небольших и потому наиболее удобных, потому что маленькие юрты всегда менее дымны. езда на собаках прекрасно возбуждает аппетит, и потому я тотчас же по приезде велел приготовить на скорую руку мой дорожный обед – кусок оленины, рис и чай. Кончив обед, я пошел, в сопровождении казака Томского и хозяина аина, осматривать реку Туотогу. Дойдя по берегу залива до устья реки, мы надели лыжи. Я довольно хорошо научился ходить на лыжах. Река была покрыта льдом до самого устья, но залив был чист от льда. Один аин приехал на лодке из селения Мауки на Татарском берегу, вокруг мыса Крильона до самой реки Сиретоки. Это пространство всегда чисто, редко только отдельные льдины приносятся к нему на короткое время. Поэтому судно, в особенности паровое, зимую в Мауке или Тахмаке, может иметь круглый год открытую навигацию. – Мы пошли вверх по реке. Я имел с собою карманный компас, с помощью которого и обозначал направление течения. Мы поднялись верст 6-ть по реке, когда солнце уже стало низко опускаться. Мы пошли обратно в селение, но уже не по реке, а по кратчайшему пути, через лес. Река Туотога имеет в устье сажен до 70-ти ширины, но скоро она суживается и на протяжении, которое я прошел, ширину её можно положить в разных местах от 15 до 30 сажен. По словам аина, глубина фарватера моря при устье реки до 4-х сажен (ручных), устье реки 3 сажени, выше – от 2-х до 3-х саж. Итак, река эта вполне удобна для судоходства судов малого ранга. Японские джонки ходят в реку для ловли рыбы. Но к сожалению течение реки очень извилисто. Правда, что это неудобство уменьшается тем, что сильных ветров почти никогда не бывает в этой части острова, что видно по прямизне деревьев, верхушки которых даже при устье реки нисколько не склонились, как это бывает

на деревьях, растущих по берегам моря в тех местах, где господствуют сильные ветры. Наши охотники, жившие полтора месяца на Туотоге, сказывали, что у них почти не было ветряной погоды, между тем как у нас, в Томари, не проходило трех дней без ветру. Берега Туотоги не высоки и покрыты хорошим лесом (кроме устья). Дуб, береза, кедр, ель и пихта составляют главнейшие роды его. На одном мысу, образуемом коленом реки, а видел сплошную рощу дуба, но нельзя сказать, чтобы рост его был хорош. Хребет гор, тянувшийся несколько верст, вдоль берега Анивы от мыса Крильона, поворачивает, не доходя до реки Туотоги, во внутрь острова, куда он тянется сопровождая Туотогу, то приближаясь к ней версты на три, то опять отходя. Во время осмотра реки, мне удалось с одного места её ясно усмотреть, что хребет этот очень близко подходит к хребту, тянущемуся по левому берегу реки Сусуи, от устья её с берега залива, точно так же как и горы западного берега Анивы и р. Туотоги, так что две эти реки, находясь в равнине между двумя хребтами, как я сказал, близко сходящимися, должны непременно, тоже в одном месте, течь в очень близком расстоянии друг от друга. На расспросы мои у аина, он подтвердил мое убеждение, сказав, что у ближайшего селения есть короткий перевоз по Суую. Во время ходьбы нашей по Туотоге, разгоряченные уже сильно нагревающим солнцем и скоростью ходьбы, мы почувствовали все трое большую жажду. Аин нам сказал, что близко находится ручей, впадающий в реку, вода которого считается японцами целительною. Придя к этому ручью, мы напились из него. Не знаю, целительна ли вода, но очень хороша на вкус, и чиста. Мы воротились в юрту порядочно усталые. Аин нам все повторял: русский много ходит! Вообще, любящие покой аины очень удивляются нашим обычаям и образу жизни. Поездки в дурную погоду, по дурным дорогам большими расстояниями, без отдыхов, во время осмотра страны, всегда казались им удивительными. Напившись чаю с невыразимым удовольствием, я начал свои наблюдения над собравшимся обществом аинов. Хозяин юрты – трудолюбивый аин (значит редкий); жена его, молодая женщина довольно приятного вида и очень веселого нрава. Познакомившись хорошо с казаком Томским, она шутила с ним и много смеялась, когда он, отвечая ей, делал ошибки в словах. В этой же юрте живет старуха, должно быть мать жены хозяина, или его самого. Анны почему-то не объясняют охотно родство свое и потому им нельзя в этом верить. Впрочем, и во всем они бессовестно лгут. Старуха очень уродлива, в особенности отвисшие толстые губы, намазанные синею краскою, дают ей страшное и отвратительное выражение. Я недавно узнал, как аинки дают губам своим синий цвет. они надрезают их ножом во многих местах, а потом натирают углем или сажею. Кожа принимает тотчас синий цвет. Когда помазаны собственно одни только губы, то это еще не так гадко, но большею частью и часть лицевой кожи, окружающей губы, тоже окрашена, и очень неровно и неправильно. Старуха эта удивила меня стоическим молчанием и неподвижностью, и что удивительно, что при отсутствии всякого движения она могла почти все время есть. Это есть общая привычка аинов, – они вдруг не едят много, но почти каждый час возобновляют еду. При способе их жизни, т.-е. бездействии, подобная привычка есть необходимость иметь какое-нибудь занятие, оттого и непрерывное курение табаку так распространено между ними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.